

Анисимова Светлана Геннадьевна

ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАЦИЙ: ИНТЕГРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ИЛИ РАЗРОЗНЕННЫЕ ФРАГМЕНТЫ?

Статья посвящена проблеме профилактики различных проявлений девиантного поведения - преступности, суицида, алкоголизма, наркомании и др. Автор рассматривает эволюцию подходов к девиациям и способам социального контроля, включая систему профилактики. Особое внимание уделяется причинам, которые препятствуют формированию становления интегративной модели превенции преступности и предупреждения негативных социальных отклонений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-1/2.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. I. С. 12-16. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

3. **Иванов В. В.** Некоторые вопросы теории нормативного договора // Право и политика. 2000. № 4. С. 21-27.
4. **Иванов В. В.** Общие вопросы теории договора. М.: Эдиториал; УРСС, 2000. 160 с.
5. **Кулакова Ю. Ю.** Нормативный договор в системе форм российского права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 28 с.
6. **Миронов Н. В., Мишунин П. Г.** О юридической природе актов, издаваемых высшими исполнительными и распорядительными органами государственной власти СССР, союзных и автономных республик // Советское государство и право. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. № 8. С. 22-33.
7. **Мицкевич А. В.** Акты высших органов советского государства. М.: Юрид. лит., 1967. 175 с.
8. **Нечитайло М. А.** Нормативный договор как источник права: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 188 с.
9. **Петроградская А. А.** Перспективные формы межмуниципального сотрудничества [Электронный ресурс] // Право и экономика. 2010. № 11. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
10. **Теоретические вопросы систематизации советского законодательства** / авт. кол.: А. С. Соминский, О. С. Лейст, И. Н. Кузнецов и др.; под ред. С. Н. Братуся и И. С. Самощенко; Всесоюзный институт юридических наук. М.: Госюриздат, 1962. 575 с.
11. **Шебанов А. Ф.** Форма советского права. М.: Юрид. лит., 1968. 215 с.

NORMATIVE-LEGAL AND INDIVIDUAL-LEGAL NATURE OF CONTRACT

Irina Vladimirovna Akif'eva

*Department of State and Law Theory and History
Yaroslavl' State University named after P. G. Demidov
akifyevai@rambler.ru*

The author substantiates the notion of mixed legal contract, designates the place and role of the contract combining the elements of normative- and individual-legal character in the mechanism of regulating social relations by creating the basis of repeated application and determining the concrete actions on normative element realization and shows the basic features of the considered mixed contracts.

Key words and phrases: mixed legal contract; intersection of individual and normative contracts spheres; competence basis; rule-making process decrease; identity of repeated application basis and implementation of instructions.

УДК 316.624-422

Статья посвящена проблеме профилактики различных проявлений девиантного поведения - преступности, суицида, алкоголизма, наркомании и др. Автор рассматривает эволюцию подходов к девиациям и способам социального контроля, включая систему профилактики. Особое внимание уделяется причинам, которые препятствуют формированию становления интегративной модели превенции преступности и предупреждения негативных социальных отклонений.

Ключевые слова и фразы: девиации; нормы; санкции; профилактика; превенция; причины; условия; факторы.

Светлана Геннадьевна Анисимова, к. соц. н., доцент
*Социологический факультет
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Fomas2003@list.ru*

ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАЦИЙ: ИНТЕГРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ИЛИ РАЗРОЗНЕННЫЕ ФРАГМЕНТЫ?®

Исторический процесс усложнения социальной жизни нуждается в создании особых норм, системы предписаний и ограничений, понуждений и запретов, а также социальных санкций, призванных согласовать массовое поведение с общественными потребностями. Понятно, что взгляды на девиантное поведение претерпели существенные изменения в результате глобальных трансформаций социального пространства. Долгое время доминирующей была «социально-патологическая модель» объяснения девиантности и, в особенности, преступности (Ч. Ломброзо, С. Смит, Ч. Гендерсон, Ч. Прайс, Э. Кречмер, В. Шелдон и др.). Сторонники этой модели считали отклонения «симптомом» болезни, а в преступнике видели только «больного», страдающего «расстройством личности» и нуждающегося в «лечении». После того как позитивизм частично потерял свою привлекательность и классическое понимание девиантности как «врожденной испорченности» человека (Ф. Ницше, З. Фрейд и др.), утратило свое значение, «передовые позиции» были заняты неоклассической школой, опирающейся на политическую экономию и рациональное объяснение девиантности преимущественно социально-экономическими и социокультурными причинами (К. Маркс, М. Вебер, П. Сорокин и др.).

В настоящее время сохраняет ценность признание представителями функционализма (Р. Мертон, А. Агню, Р. Нисбет и др.) теорий стигматизации (И. Гофман, Г. Беккер, Э. Лемерт, Э. Танненбаум, Э. Сазерленд и др.) и ценностно-конфликтных теорий (Т. Селлин, К. Кейс, Д. Волд, Р. Майерс и др.), идеи о том, что в основе отклоняющегося поведения лежит противоречие между социальными группами или различными сторонами жизни, переживаемое, оцениваемое и проблематизируемое. Не теряет значения установка радикальных социологов на обусловленность криминализации и девиантзации местом в классовой структуре общества (Я. Тэйлор, П. Валтон, П. Уотсон, Дж. Янг, Р. Куинни, Р. Кларк, Э. Шур и др.). Эмпирикой подтверждается мысль о детерминации социальных отклонений определенным социальным статусом и образом жизни индивида, развитая в рамках экономических теорий, а также функционализма и дополняющих его теорий, теорий социальной дезорганизации, ценностно-конфликтного подхода.

Параллельно в научном дискурсе утвердилась мысль о признании естественным всего, что соответствует основным паттернам социальных отношений социальной группы, к которой принадлежит индивид. С этой позиции признаются опасными и угрожающими лишь те события и действия, которые выходят за границы естественного и нормального для данного сообщества, что выражено в работах представителей конструктивистских и отчасти структуралистских концепций - Г. Блумера, М. Спектора, Дж. Китсьюза, Э. Платта, Э. Гидденса, П. Бергера, Т. Лукмана и др. Модернистские теории синтезируют идеи различных теорий и переосмысливают феномен девиантного поведения с учетом синергетического подхода, виктимологии, экологии, глобализационных, коммуникативных и информационных теорий.

Постмодернизм, ориентированный на амбивалентность при анализе социального поведения и социальных процессов, фактически отрицает явление девиации, так как в рамках этой парадигмы не предусматривается существование каких-либо устойчивых норм, в том числе, и поведенческих, ибо «допустимо все» - «anything goes» (Ж. Бодрийяр, З. Бауман, У. Бек, У. Эко и др.).

Несмотря на солидную теоретическую базу и немалый практический опыт специалистов в области профилактики девиаций (достаточно вспомнить трудовые колонии А. С. Макаренки), в настоящее время можно согласиться с И. А. Грошевой, которая отмечает, что проблемам профилактики в России уделяется неоправданно мало внимания: «Вызывает опасение тот факт, что в обществе наблюдается кризис в сфере социального контроля как одного из способов саморегуляции социальной системы, выражающийся в деформации контроля, что, в свою очередь, способствует усилению проявлений девиаций» [6, с. 97].

Построение интегративной модели профилактики девиантного поведения, адекватной уровню, структуре, интенсивности, масштабности девиаций, осложняется целым рядом разнообразных обстоятельств, условий, факторов и причин.

Россия последних двух десятилетий оказалась под «двойным ударом»: с одной стороны, глобальные процессы, имеющие и позитивные и негативные стороны, с другой стороны, разновекторные процессы внутри страны. Все это спровоцировало множество негативных изменений, таких как, рост имущественного неравенства, нищеты и бедности; расширение воздействия СМИ, активно транслирующих образцы негативного поведения; транснационализация различных форм девиантности - наркотизма (drugs traffic), проституции (prostitutes traffic), организованной преступности (organized crime), терроризма и т.д. В рамках информационного общества под влиянием стремительно расширяющейся виртуальной среды происходит переструктурирование социальной системы и её элементов, порождающее усиление процессов дифференциации «включенных», «туристов» (tourist) / «бродяг» или «отбраковываемых» (burned-out) [3, с. 142]. На фоне расширения онлайн-мира возрождаются архаические социокультурные образцы, что выражается в примитивизации, схематизации, упрощении поведения индивидов. В результате в отношении действия норм и возможностей социального регулирования поведения индивидов и групп наблюдаются следующие основные тренды:

- феномен релятивизации (отрицание обязательных нравственных норм и принцип отрицания познания феноменов) представлений о норме как таковой, характерный для обыденного сознания [14, с. 103];
- возрастающий скепсис практиков в отношении научного осмысления девиаций и выработки адекватных рекомендаций по их минимизации [9, с. 27-28];
- формирование различных систем нормативности в обществе, как за счет легитимного нормотворчества, так и посредством латентных и «теневых» институтов;
- снижение уровня социальной безопасности [8; 10], детерминированное расширением спектра негативных отклонений и форм нормативности.

При планировании профилактической и ресоциализационной деятельности выявляется объективный барьер: отсутствие реальных данных о негативных девиациях, связанное с множеством причин, среди них указания «сверху» и статистические ухищрения «в низах», правовой нигилизм граждан, не желающих обращаться в органы внутренних дел и медицинские учреждения. Так, если общий уровень преступности существенно зависит от уголовного закона (криминализации - декриминализации), уровня латентности различных видов преступлений, активности правоохранителей, то уровень смертности от убийств служит, на первый взгляд, надежным показателем реальной криминальной ситуации. Однако среди криминологов существует мнение, что и со статистикой убийств производятся манипуляции за счет различных перекалываний по формальным медицинским и уголовно-правовым признакам. Такую точку зрения высказывает в своем интервью газете «Московский комсомолец» В. Овчинский, генерал-майор милиции в отставке, доктор юридических наук, экс-советник Председателя Конституционного суда Российской Федерации. Он заявляет, что даже по убийствам цифры официальной статистики и криминологических эмпирических исследований

отличаются почти в 3 раза: в 2006-2009 гг. регистрировалось от 19 до 17 тысяч убийств в год, по данным НИИ Академии Генпрокуратуры на самом деле совершалось до 47 тысяч убийств в год [13].

Алкоголизм, токсикомания, употребление ПАВ, наркотизм - объекты статистических искажений за счет упрощенной регистрации без учета динамики и данных о социально-демографическом, семейном, профессиональном, образовательном уровне «больных». Количество зарегистрированных алкоголиков не коррелирует с количеством потребляемого алкоголя, который, впрочем, практически «взят с потолка» в силу невозможности учёта потребления некоммерческого алкоголя. В отношении суицида и других девиаций используются умолчание, искажение, фрагментация и другие способы идеологического конструирования информации [12, с. 58-59]. В целом просматривается тенденция всё большей недоступности статистических данных о «нежелательных» явлениях действительности.

Нравственно-правовые причины неэффективности моделей профилактики девиантного поведения зиждутся на слабом развитии правосознания и, соответственно, всеохватном правовом нигилизме и пороках правовой сферы (несовершенство, противоречивость и неэффективность действующего законодательства; низкий уровень профессионализма и компетентности законотворческих и правоприменительных органов; произвол работников судебных, правоохранительных и иных государственных органов и должностных лиц и многое другое).

Искаженное массовое сознание сопряжено с широчайшим распространением в коллективном сознании мифов об уровне, масштабах социальных отклонений, экономической, социально-психологической, нравственной подоплёке девиантного поведения. Например, среди населения бытуют стереотипы: «преступность постоянно растет», «самоубийцы - умалишенные», «главное место распространения наркотиков - это ночные клубы и бары», «проститутки - жертвы бедности и нищеты» и т.д. и т.п. Обыватели ориентируются не на собственный опыт виктимизации и контактов с девиантными сообществами, а на образцы, преподносимые СМИ всех типов и «сарафанным радио».

Массовое измененное сознание проявляется в различных конфигурациях и сочетаниях форм и видов аномальных состояний личности: страхи и мании, боязнь неудач и фобийные состояния, невротизм и психозы, девиации и патологии и т.д. В повседневности перекосы массового сознания воплощаются в неправовых практиках, которые определяются как «совокупность устойчивых и массовых социальных действий (взаимодействий), связанных с нарушением акторами разных уровней норм права» [7, с. 6]. Незрелость правового сознания вызывает тотальное утверждение неконформизма, то есть нарушения легальных форм как нормы деятельности в определенных слоях и группах: «откат» при решении любых вопросов в органах государственной власти и управления, разветвленная система «распила бабок» - распределения субсидий, траншей и других денежных потоков по иерархическим уровням власти» и др. [2, с. 41-42]. Индивиды, пребывающие в состоянии кризиса идентичности, демонстрируют различные варианты социального поведения: апатию (снижение самооценки, уход в себя, замкнутость); различные виды диссоциального или агрессивно-деструктивного поведения (экстремистские устремления, террористические акты, криминальные деяния и т.д.); негативизм (отказ от нового, бездействие и критиканство) и социально-мифологический вариант (обращение к мистике, спиритизму, лженаучным теориям и т.п.).

Систематическая профилактическая работа осложняется явным диссонансом между тем, что сами люди считают социальными проблемами, и темами, выдвигаемыми в качестве злободневных, властью и экспертами в публичном дискурсе. Надо вспомнить, что в СССР девиации - «родимые пятна капитализма» - игнорировались и не афишировались принародно и первый широкомасштабный опыт конструирования «избранных» девиаций связан с перестройкой, когда алкоголь был объявлен «главным врагом», угрожающим развитию страны. В период правления Ельцина выводились на «первый план» смертная казнь, организованная преступность, этнический и региональный криминал. На рубеже тысячелетий важнейшей темой стал терроризм, в «нулевые» годы проблематизировались демографический «русский крест», интеллектуальное и творческое «пиратство», педофилия, коррупция, нелегальная миграция и сопряженная с ней этнопреступность, «пивной алкоголизм», потребление крепкого алкоголя, молодежный экстремизм, табакокурение и т.д. Периодически в общественном поле поднимаются вопросы свободной продажи огнестрельного оружия, эвтаназии, абортов. Опираясь на конструктивистские теории, можно заметить, что проблемы выдвигаются властными структурами, ресурсными группами, СМИ, что вполне отвечает постулированной М. Фуко взаимосвязи «власть-знание», согласно которой почти любая форма знания ангажирована той или иной формой власти и определенными властными интересами [4, с. 11].

Не способствует продуктивному предупреждению девиаций опора на теории, не учитывающие реалии «ускользающего» мира современности. В большинстве концепций девиации рассматриваются как результат «социальной дуги» - воздействия комплекса объективных социальных причин, где личность и группы представляют собой продукт конкретного общества, его нормативно-ролевой структуры, культуры и субкультур, различных конфликтов, исторических, географических, биологических, этнических, экономических, психологических и других факторов. Однако опыт показывает, что не существует коренной (или главной) социальной причины, определяющей масштабы и динамику девиантности в обществе. Например, в российской науке и практике издавна установилась точка зрения, что семья выступает самым существенным фактором формирования девиантного либо нормативного поведения. В этом контексте представляют интерес альтернативные концепции, отрицающие решающую роль родительского и семейного воспитания в становлении личности, например, идеи американского психолога Джудит Харрис, чья книга «Воспитательная ложь» [16] вызвала на Западе ожесточенные дискуссии.

Важнейшей причиной неэффективной профилактической и превенционной деятельности является механизм применения санкций и система наказания в российском обществе. Представители маргинальных, люмпенизированных, так называемых «низших слоёв», становятся основными объектами применения санкций. Основной контингент «тюремного населения» составляют молодые мужчины, в подавляющем большинстве, не состоящие в браке [5]. По данным автора, среди лиц, содержащихся в местах лишения свободы за совершение тяжких преступлений (грабеж, убийство, изнасилование, нанесение тяжких телесных повреждений) лишь 10% имеют высшее или незаконченное высшее образование, 34% - среднее или среднее специальное образования и около 60% обучались или закончили учреждения среднего или начального профессионального образования. Большинство заключенных (80%) до получения первого срока трудились по рабочим специальностям в промышленности и сельском хозяйстве, не работали вообще - 13%. На мысль о династичности преступности наталкивает информация о том, что среди респондентов почти 80% имели судимых среди ближайших родственников (отец, мать, брат, сестра, бабушка, дедушка) [1, с. 79-80].

Такое распределение не конгруэнтно структуре преступности в обществе, где наблюдаются две основные тенденции. С одной стороны, усиливаются структурно-качественные изменения в направлении интеллектуализации, организованности, изошренности, вооруженности, технической оснащённости, адаптивности, коррумпированности и самозащитности преступности и расширяется «преступность богатства», «беловоротничковая преступность», правонарушения интеллектуальных и высокопоставленных лиц (латентные налоговые, коррупционные преступления, рейдерство и множество других инноваций в сфере криминальных взаимоотношений). С другой стороны, растёт «преступность нищеты» и слабоадаптированных субъектов. Диссонанс в структуре преступности и применения наказаний зафиксирован западными учеными, выяснившими, что представители всех слоёв и групп совершают количество преступлений, сопоставимое с преступлениями представителей низших классов [15, с. 215], которые и становятся основными «клиентами» машины правосудия.

Учёным и практикам известно, что тюрьма не «перевоспитывает», а служит местом повышения криминальной квалификации и профессионализации. Ведущий российский девиантолог И. Я. Гишинский подчеркивает, что «лишение свободы - неэффективная мера наказания с многочисленными негативными побочными последствиями» [5].

Существуют и другие объективные препятствия для профилактики девиаций, такие как игнорирование проблемы жертв преступности и общая виктимизация населения. В частности, несмотря на то что Россия на протяжении последних двадцати лет занимает место «лидера» по самоубийствам, данная проблема практически не артикулируется на уровне государства. Из фокуса внимания государственных структур выпадает проблема пролонгированного суицида (алкоголизм, наркотизм) и применения в немедицинских целях для снятия депрессии, стресса, фрустрационных состояний психоактивных веществ - барбитуратов и им подобных «снадобий» среди трудоспособного населения. Не учитываются в профилактической работе социально-психологические последствия девиаций, такие как отдаленный или косвенный психологический эффект реализованного акта самоубийства, воздействующий на ближайшее социальное окружение и семью и т.д. Игнорируются социально-экономические аспекты девиаций, такие как разрушение трудовых ресурсов.

Наиболее эффективный путь профилактики любых девиаций - это построение стабильной окружающей среды и формирование направленности на здоровый образ жизни. Однако опыт показывает, что это оторванная от реальности утопическая модель. Интегративный подход девиаций к профилактике, на наш взгляд, - это опора на классические схемы, успешно применявшиеся в советский период и используемые по сегодняшний день в мировой практике. Различают три уровня превенции: общая профилактика (primary prevention), то есть гармонизирующее воздействие на окружающую среду, экологические, экономические, социальные, политические условия жизни; специальная профилактика (secondary prevention) - обеспечение мер безопасности, воздействие на «группы риска» путём устранения обстоятельств, способствующих совершению преступлений или иным девиациям; индивидуальная профилактика (tertiary prevention), рассчитанная на отдельную личность. В соответствие с данной структурой профилактики выстраивается деятельность на разных ступенях:

- государственный уровень, предполагающий разработку и реализацию государственных программ по социализации и адаптации личности в «ускользающем» социуме;

- региональный уровень - это разработка конкретных профилактических и ресоциализационных технологий на основе принятых на государственном уровне программ с обоснованием социально-экономических особенностей субъекта федерации и практическая реализация этих технологий специализированными учреждениями;

- муниципальный уровень - разработка профилактических мер с учетом локальной специфики МСУ; личный уровень - применение конкретных методов профилактики, превенции, а также ресоциализации отдельно взятых индивидов.

Можно резюмировать, что девиантное поведение в «текущем» мире принимает всё более разнообразные формы [3], ибо видоизмененная система ценностей и представлений массового сознания становится чрезвычайно терпима к нарушениям как правовых, так и моральных норм. При трансформации ценностно-нормативной системы происходит вынужденное обращение к релятивистскому подходу и плюрализму с учётом наличия различных субкультур и нормативностей, естественно, не отрицая наличия неких фундаментальных норм-границ в отношении тяжких преступлений и деяний, угрожающих безопасности общества, дезорганизующих социум и влекущих массовую деструкцию.

Список литературы

1. **Анисимова С. Г.** Воздействие социальных институтов на профессиональное самоопределение молодежи: дисс. ... к.с.н. М., 2002. 127 с.
2. **Анисимова С. Г., Мамедов А. К.** Введение в теорию аномии: категориальный позитивный анализ: монография. М.: Издательский дом «АТИСО», 2010. 227 с.
3. **Бауман З.** Глобализация: последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. 204 с.
4. **Бергер П., Лукман Т.** Социальное конструирование реальности // Трактат по социологии знания / Московский философский фонд; пер. Е. Руткевич. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. 217 с.
5. **Гилинский Я. И.** Кризис наказания [Электронный ресурс]. URL: <http://crimpravo.ru/blog/578.html>
6. **Грошева И. А.** Социальный контроль в практиках профилактики девиации // Социс. 2008. № 2. С. 97-101.
7. **Заславская Т. И.** Неправовые трудовые практики и социальная трансформация в России // Там же. 2002. № 6. С. 3-17.
8. **Кузнецов В. Н.** Социология безопасности: формирование культуры безопасности в трансформирующемся обществе. М.: Республика, 2002. 398 с.
9. **Набойченко В. В.** Концепции социального контроля: от социологии натурализма к постмодернизму // Тезисы I съезда социологов. М., 2003. С. 27-28.
10. **Рубан Л. С.** Девиация как проблема безопасности // Социс. 1999. № 5. С. 70-74.
11. **Самыгин П. С.** Правовая социализация учащейся молодежи в условиях социальной неопределенности российского общества: автореф. дисс. ... д.с.н. Ростов-на-Дону, 2007. 47 с.
12. **Свитич Л. Г.** Социология журналистики: методология, методы, направления и результаты исследований: учеб. пособие. М.: ВК, 2010. 342 с.
13. **Статистика от Лукавого** [Электронный ресурс]: интервью Владимира Овчинского. URL: http://crimpravo.ru/blog/reforma_mvd/917.html (дата обращения: 09.04.2011).
14. **Шипунова Т. В.** Проблема синтеза теорий девиантности // Социс. 2004. № 12. С. 103-112.
15. **Шнайдер Г. Й.** Криминология / пер. с нем., под общ. ред. и с предисл. Л. О. Иванова. М.: Изд. группа «Прогресс» - «Универс», 1994. 341 с.
16. **Harris D.** Nurture Assumption. N. Y., 1997.

PREVENTION OF DEVIATIONS: INTEGRATIVE MODEL OR SEPARATE FRAGMENTS?

Svetlana Gennad'evna Anisimova, Ph. D. in Sociology, Associate Professor
Sociological Faculty
Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Fomas2003@list.ru

The article is devoted to the problem of the prevention of different deviant behavior manifestations - criminality, suicide, alcoholism, drug addiction and so on. The author considers the evolution of the approaches to deviations and social control methods including prevention system and pays special attention to the reasons which prevent the formation of the integrative model of criminality and negative social deviations prevention.

Key words and phrases: deviations; norms; sanctions; prevention; reasons; conditions; factors.

УДК 37.013.73

В статье рассматриваются ключевые проблемы гуманитарного образования в контексте постнеклассической культуры, обосновывается определяющее влияние системы образования на формирование социально-культурной и личностной идентичности. Делается вывод о том, что утрата национальной самобытности, унификация и стандартизация образования, конструирование прагматической и технократической модели образования угрожают современному российскому обществу и культуре.

Ключевые слова и фразы: образование; гуманитарность; образовательная модель; образовательное пространство.

Ольга Валерьевна Архипова, к. филос. н., доцент
Кафедра профессионального иностранного языка и межкультурной коммуникации в туризме
Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет
olva@list.ru

**РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ
ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ[©]**

На рубеже XX-XXI веков мир приобрел новые очертания. Культура вошла в эпоху постнеклассики, а наука выработала новую методологию - постнеклассическую. Постнеклассическая реальность проявляет себя во всех сферах культурного бытия человека и, конечно, отражается в такой области культуры как образование.